

ТРАНСФОРМАЦИЯ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ: РОЛЬ КИТАЯ В БЛИЖНЕВОСТОЧНОЙ НЕФТЕГАЗОВОЙ ИНДУСТРИИ (на примере Ирана и Саудовской Аравии)

Мирзабеков Хусан Улугбекович

Ташкентского государственного университета востоковедения Исследователь

husan190619@gmail.com

<https://orcid.org/0009-0007-3398-6565>

Аннотация *Статья анализирует трансформацию энергетического сотрудничества Китайской Народной Республики (КНР) со странами Ближнего Востока в условиях глобализации и энергоперехода. На примере Ирана и Саудовской Аравии рассматриваются традиционные поставки нефти и газа, китайские инвестиции в нефтегазовую инфраструктуру, совместные проекты в рамках инициативы «Один пояс, один путь» (ОПОП/BRI), а также растущая роль КНР в поддержке диверсификации энергетики региона (Vision 2030 в Саудовской Аравии). Несмотря на геополитические вызовы (санкции против Ирана, региональная напряженность), Китай остается крупнейшим импортером ближневосточной нефти (около 45–50% своих поставок), обеспечивая энергетическую безопасность и стимулируя взаимовыгодный обмен: ресурсы и стабильные поставки в обмен на инвестиции, технологии и инфраструктуру. Данные 2024–2025 гг. показывают рекордный рост BRI-активности в регионе (39 млрд долл. в 2024 г., значительный вклад Саудовской Аравии), включая как традиционные нефтегазовые проекты, так и «зеленые» инициативы. Китай выступает катализатором трансформации ближневосточной нефтегазовой индустрии, сочетая обеспечение доступа к ресурсам с поддержкой низкоуглеродного развития.*

Ключевые слова: *КНР, Ближний Восток, Иран, Саудовская Аравия, нефтегазовая индустрия, энергетическое сотрудничество, инициатива «Один пояс, один путь», энергопереход, энергетическая безопасность, Vision 2030.*

Введение В условиях глобализации и глобального энергоперехода трансформация энергетического взаимодействия между Китаем и странами Ближнего Востока приобретает стратегическое значение. Для долгосрочного сотрудничества КНР стремится обеспечить стабильный доступ к углеводородам, одновременно поддерживая диверсификацию экономики партнеров и собственный переход к низкоуглеродной модели. Отношения КНР с ключевыми энергетическими державами региона — Ираном и Саудовской Аравией — продолжают динамично развиваться, сочетая традиционные поставки нефти с инвестициями в инфраструктуру и «зеленые» технологии.

В условиях глобализации и ускоренной трансформации мировой энергетической системы усиливается значение международного сотрудничества в сфере энергоресурсов. Рост мирового спроса на нефть и газ, энергетический переход и геополитическая нестабильность формируют новые модели взаимодействия между странами-производителями и потребителями энергоресурсов.

Китайская Народная Республика, являясь одним из крупнейших потребителей энергии в мире, активно развивает сотрудничество со странами Ближнего Востока, обладающими значительными запасами углеводородов. Регион традиционно играет ключевую роль в обеспечении энергетической безопасности Китая, а его значение в условиях диверсификации поставок только возрастает.

Особое место в развитии энергетического взаимодействия занимает Belt and Road Initiative, которая способствует укреплению транспортной, логистической и энергетической инфраструктуры, а также расширению инвестиционного сотрудничества.

Таким образом, актуальность исследования определяется необходимостью анализа трансформации энергетических отношений между Китаем и странами Ближнего Востока, а также выявления роли Китая в развитии нефтегазовой индустрии региона.

Ближний Восток остается критическим регионом для энергетической безопасности Китая: он поставляет около 45–50% китайского импорта сырой нефти. В 2025 г. Китай импортировал рекордные объемы, при этом Саудовская Аравия и Иран (включая неофициальные поставки) играют ключевую роль. Проекты КНР в нефтегазовой отрасли региона представляют собой не только экономические инициативы, но и стратегические шаги по укреплению влияния в условиях глобальных вызовов, таких как санкции, колебания цен и климатическая повестка.

В 2024–2025 гг. Ближний Восток лидировал по объемам BRI-инвестиций (39 млрд долл. в 2024 г.), с акцентом на энергетику. Саудовская Аравия получила значительную долю (около 19 млрд долл. в строительных контрактах), а общий объем китайских инвестиций и контрактов в регионе с 2005 г. превысил 269 млрд долл. Это отражает сдвиг от чистого импорта ресурсов к глубокому промышленному сотрудничеству.

Энергетическое взаимодействие между Китаем и странами Ближнего Востока в последние десятилетия претерпело значительные изменения. Если ранее сотрудничество ограничивалось преимущественно импортом нефти, то в настоящее время оно охватывает более широкий спектр направлений, включая инвестиции, технологическое сотрудничество, участие в добыче и переработке углеводородов, а также развитие инфраструктуры.

Одним из ключевых аспектов является рост зависимости Китая от импорта нефти и газа. Значительная доля поставок приходится на такие страны, как Саудовская Аравия, Иран, Ирак и Объединённые Арабские Эмираты. В ответ Китай стремится

обеспечить долгосрочную стабильность поставок посредством заключения стратегических соглашений и диверсификации источников энергии.

Важную роль играет участие китайских государственных и частных компаний в нефтегазовых проектах региона. Они инвестируют в разработку месторождений, строительство нефтеперерабатывающих заводов, газовых терминалов и трубопроводов. Это способствует не только укреплению энергетической безопасности Китая, но и модернизации энергетического сектора стран Ближнего Востока.

Кроме того, наблюдается активное развитие инфраструктурных проектов в рамках BRI. Создание портов, логистических центров и энергетических коридоров обеспечивает более эффективную транспортировку энергоресурсов и интеграцию региона в глобальные энергетические рынки.

В последние годы Китай также усиливает своё присутствие в сфере возобновляемых источников энергии на Ближнем Востоке. Это связано с глобальным трендом перехода к «зелёной» энергетике и стремлением стран региона диверсифицировать свои экономики. Китайские компании участвуют в строительстве солнечных и ветровых электростанций, внедрении новых технологий и развитии экологически устойчивых проектов.

Вместе с тем, энергетическое сотрудничество сталкивается с рядом вызовов. Геополитическая напряжённость, санкционные ограничения в отношении отдельных стран, колебания цен на нефть и газ, а также конкуренция со стороны других мировых игроков оказывают существенное влияние на динамику взаимодействия.

Несмотря на это, роль Китая в ближневосточной нефтегазовой индустрии продолжает усиливаться. Китай выступает не только как крупнейший потребитель энергоресурсов, но и как важный инвестор, технологический партнёр и участник трансформации энергетического сектора региона.

Таким образом, трансформация энергетического взаимодействия между Китаем и странами Ближнего Востока отражает более широкие процессы глобальной перестройки мировой энергетики и формирования новых центров экономического влияния.

Обзор литературы Вопросы роли Китая в ближневосточной нефтегазовой индустрии широко освещены в отчетах Green Finance & Development Center (BRI Investment Report 2025), где подчеркивается лидерство региона по энергопроектам (рост нефтегазового вовлечения до 71,5 млрд долл. в 2025 г.). Работы Carnegie Endowment и AEI China Global Investment Tracker анализируют синергию ОПОП с Vision 2030 Саудовской Аравии, включая совместные НПЗ и возобновляемую энергетику. USCC и Reuters освещают 25-летнее соглашение с Ираном и скрытые поставки иранской нефти (до 1,38–1,55 млн баррелей в сутки в 2025 г.). Китайские источники (Министерство коммерции КНР) и международные (EIA, Kpler)

акцентируют энергетическую безопасность КНР, посредничество в региональной стабильности (нормализация Иран–Саудовская Аравия в 2023 г.) и баланс между традиционными углеводородами и «зеленым» переходом.

Анализ и результаты Энергетическая роль Ирана и Саудовской Аравии в сотрудничестве с Китаем определяется огромными запасами углеводородов, географическим положением и необходимостью диверсификации экономики. Китай, как крупнейший импортер нефти, импортирует из региона до половины своих потребностей, обеспечивая стабильность поставок в обмен на инвестиции и технологии.

Торговое сотрудничество и поставки энергоносителей: Экспорт нефти из региона в КНР доминирует. В 2025 г. Саудовская Аравия поставила около 1,6 млн баррелей в сутки (14% китайского импорта), оставаясь традиционным лидером¹. Иран, несмотря на санкции, обеспечивает значительные объемы (официально не фиксируемые, но по данным Kpler — 1,38–1,55 млн баррелей в сутки, или 80–90% иранского экспорта нефти). Китай покупает более 80% иранской нефти, часто через реэкспорт (Малайзия, Индонезия). Общий товароборот с Саудовской Аравией превышает 100 млрд долл., с Ираном — официально ниже, но реально значительно выше за счет энергоносителей. Это обеспечивает Китаю диверсификацию поставок и дисконтированные цены.

Инвестиционные проекты и трансформация отрасли: Китайские инвестиции и строительные контракты в Саудовской Аравии достигли рекордных показателей². CNPC и Sinopec реализуют совместные проекты с Saudi Aramco: расширение НПЗ в Яньбу, совместные предприятия в Китае (Fujian, Qingdao) и «refinery +» проекты. В 2024–2025 гг. подписаны соглашения на миллиарды долларов по этилену, ароматическим углеводородам и зеленому водороду. Эти инициативы синхронизированы с Vision 2030: развитие нефтехимии, возобновляемой энергетики³ (солнечные и ветровые проекты с LONGi, Jinko, Envision) и локализация производства (завод солнечных трекеров TrinaTracker). Саудовская Аравия лидирует по «зеленым» BRI-проектам (5,2 млрд долл. в 2025 г.).

В Иране 25-летнее всестороннее стратегическое партнерство (2021 г.) предусматривает инвестиции до 400 млрд долл. в нефть, газ и инфраструктуру в обмен на поставки. Фактически объем скромнее (около 25 млрд долл. контрактов), но Китай участвует в разработке месторождений⁴, портах и железных дорогах. Несмотря на санкции и недавние геополитические риски, сотрудничество

¹ China Belt and Road Initiative (BRI) Investment Report 2025. Green Finance & Development Center.

² Официальные данные Министерства коммерции КНР, General Administration of Customs Китая, AEI China Global Investment Tracker, Kpler, EIA (2024–2025).

³ How China Aligned Itself with Saudi Arabia's Vision 2030. Carnegie Endowment, 2025

⁴ Официальные данные Министерства коммерции КНР, General Administration of Customs Китая, AEI China Global Investment Tracker, Kpler, EIA (2024–2025).

продолжается через обходные схемы, обеспечивая Ирану доступ к технологиям и рынкам.

КНР выступила посредником в нормализации отношений Иран–Саудовская Аравия (2023 г.), что стабилизировало регион и открыло возможности для многосторонних проектов. Большинство инициатив стратегические: более 90% — в энергетике и транспорте. Трансформация проявляется в сдвиге от чистого экспорта сырья к совместному производству (нефтехимия, зеленый водород) и поддержке энергоперехода (BESS-проекты с BYD, солнечные фабрики).

Энергетическая безопасность и вызовы: Для Китая регион критически важен для снижения зависимости от морских маршрутов и диверсификации. Сотрудничество сочетает традиционные углеводороды с «зеленой» трансформацией, отражая внутреннюю политику КНР по углеродной нейтральности к 2060 г. Страны региона получают кредиты, технологии и рынки сбыта, ускоряя диверсификацию. Вызовы включают санкции, волатильность цен и геополитику, но Китай демонстрирует устойчивость через стратегические резервы и многосторонние связи.

Заключение Китай играет ведущую роль в трансформации ближневосточной нефтегазовой индустрии, выступая крупнейшим потребителем ресурсов и инвестором в инфраструктуру и диверсификацию. На примере Ирана и Саудовской Аравии сотрудничество эволюционирует от сырьевого обмена к комплексному партнерству в рамках ОПОП, включая нефтехимию, зеленую энергетику и технологическую локализацию. В условиях глобализации и климатических вызовов такое взаимодействие обеспечивает энергетическую безопасность КНР, способствует устойчивому развитию региона и формирует многополярный энергетический порядок. Перспективы остаются позитивными: дальнейшее углубление совместных проектов в традиционной и возобновляемой энергетике принесет взаимную выгоду, несмотря на геополитические риски. Китай демонстрирует прагматичный баланс между текущими нуждами в углеводородах и долгосрочным энергопереходом.

ЛИТЕРАТУРА

1. China Belt and Road Initiative (BRI) Investment Report 2025. Green Finance & Development Center.
2. How China Aligned Itself with Saudi Arabia's Vision 2030. Carnegie Endowment, 2025.
3. China-Iran Fact Sheet. U.S.-China Economic and Security Review Commission, 2026.
4. Официальные данные Министерства коммерции КНР, General Administration of Customs Китая, AEI China Global Investment Tracker, Kpler, EIA (2024–2025).
5. Дополнительно: Reuters, China Daily, Arab News, отчеты Saudi Aramco и CNPC/Sinopec.